

Die Eichenstämme, lockig, riesengross...
Die aber, denen anvertraut das Los

Der ewigen Bewegungen der Welt
Und deren Wesen alle Rhythmen hält —

Die dichten flugentspannte Versenreihn,
Vom Schlaf die Elemente zu befreihn.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-145-152

© Н. А. Богомолов

АННА АХМАТОВА: ЛЕТО 1927 ГОДА*

О том, что летом 1927 года Ахматова какое-то время провела в Кисловодске, внимательный читатель-современник мог узнать из пометы под стихотворением «Здесь Пушкина изгнание началось...».¹ Уже после ее смерти были опубликованы дневниковые записи П. Н. Лукницкого, в которых зафиксированы и процедура получения путевки в санаторий ЦЕКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых), и отъезд, и рассказы по возвращении,² изрядное количество подлинных документов процитировано В. А. Черных.³ Хронологическая канва воссоздается таким образом.

10 мая 1927 года она проходит медицинскую комиссию и получает направление в санаторий в Кисловодск на июнь-июль (Лукницкий, 250; Летопись 288). 18 и 22 мая как примерная жена просит Н. Н. Пунина о разрешении ехать в Кисловодск и проводить ее туда (Лукницкий, 256; Летопись, 289). 1 июня Лукницкий записывает: «АА сегодня получила извещение из Секции научных работников о том, что место в санатории в Кисловодске ей предоставляется с 20 июня по 25 июля. АА согласна ехать. АА едет в Кисловодск по необходимости, потому что уж очень плохо состояние ее здоровья, но едет с большой неохотой, почти против желания» (Лукницкий, 262). 6 июня сообщает об этом матери, еще без указания даты отъезда (Летопись, 290).

Незадолго до отправления (и ареста Лукницкого) говорит с ним: «АА очень не хочет ехать в Кисловодск, потому что не выносит санаторного режима («я человек пустынный»), потому что там ей придется делить с кем-то комнату — а при ее бессоннице это вызывает недовольство соседки. Там, конечно, запрещено курить и пр., и пр.», и далее: «АА сегодня говорила со мной о Кисловодске. Приводила даже такие доводы — что может случиться война, и она может оказаться отрезанной, потому что все пассажирские поезда будут отменены, и она останется там одна, без денег, больная, и при этом с ее полным неумением „устраиваться“, что-то придумывать, доставать себе удостоверение, добиваться» (Лукницкий, 273). Однако 18 июня⁴ она все-таки едет, на следующий день в Москве опускает открытку В. К. Шилейко⁵ и 20 июня прибывает в Кисловодск.

* Исследование подготовлено при поддержке РФФИ, проект 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“», НИУ ВШЭ.

¹ Второе стихотворение с такой же пометой («Кавказское») было впервые опубликовано лишь посмертно.

² См.: Лукницкий П. Н. Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой. М.; Paris, 1997. Т. II: 1926–1927. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно с пометой: Лукницкий, и указанием страницы.

³ Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966 / 3-е изд., испр. и доп. [М.], 2016. Далее цитируется в тексте сокращенно с пометой: Летопись, и указанием страницы.

⁴ В Летописи (с. 291) дата снабжена вопросительным знаком, поставленным, скорее всего, из осторожности.

⁵ Полный текст см.: Ахматова А. Соч.: В 2 т. / Сост., подг. текста М. М. Кралина. М., 1990. Т. 2. С. 195.

Историк литературы И. Н. Розанов, уже несколько дней живущий в санатории, пишет жене К. А. Марцишевской в недатированном письме: «Мои сожители: Ипполит Ипполитович, красивый сухой инженер (57 лет), молчаливый и сдержанный, и Сергей Гаврилович, инженер, похожий больше на монтера или студента-техника, хотя ему 37 лет <...> Насколько далеки эти люди от литературы, приведу пример. Когда я сообщил Сергею Гавриловичу о приезде Анны Ахматовой, он сказал: „А я в театры редко хожу и никогда ее не видал. На этот счет я слаб“». ⁶

По возвращении она рассказывала Лукницкому (запись в его дневнике датирована 2–27.07.1927: «Читала Пушкина „Дон“ в поезде — и когда туда, и когда обратно ехала и проезжала Дон. Очень любит „Каменного гостя“» (Лукницкий, 279). Уточнение к этой записи находим далее: «Когда АА ехала в Кисловодск, очень желала смерти себе. И только приехав, только увидав мирные горы, мирный мир — перестала хотеть смерти. Ехала туда смятенная, гневная, печальная, отчаянная... Совсем не помнит пути туда...» (Лукницкий, 282).

Но в санатории многое переменялось. Прежде всего, Ахматова не забывает заметить, что «была в „Алаверды“ (в К<исловодске>) единственной дамой в небольшой компании» (Лукницкий, 279), что ее «просили читать стихи. Не читала (в К<исловодске>)» (Лукницкий, 280). Среди членов этой небольшой компании она называет известную певицу М. И. Бриан, а в основном — «В К<исловодске> с Маршаком все время до 26-го (26-го он уехал)» (Лукницкий, 280). О нем же пишет 23 июня и Розанов: «Небольшую группу занял своей беседой Маршак. Это детский писатель из Петербурга. Он три года прожил в Англии и имеет европейский налет». Потом, как увидим далее, он сделает его гораздо более значимым персонажем для всего пребывания Ахматовой в санатории, но пока что упоминает его лишь как почти неизвестного автора.

Судя по всему, Розанов очень рассчитывал возобновить сложившиеся четыре года назад отношения с Ахматовой, которые, видимо, можно определить как обоюдную симпатию. ⁷ Однако этого не получилось, и первые записи о прогулках и беседах с нею или откровенно разочарованные, или имеют чисто фактологический характер. Убедительно говорится об этом в письме, обозначенном несколькими датами:

«№ 6 24 (пятница) июня 1927. 6 ¼ ч. вечера.

Сейчас вернулся, моя Тусёночек <так!>, из первой прогулки в город. Мне хотелось опустить тебе письмо № 5, а Анне Ахматовой надо было послать телеграмму в Японию. Пошли вместе на вокзал. Письмо мое № 5 опускала в ящик на вокзале Анна Ахматова: „На счастье!“ <...> Возвращались окольным путем. Беседа внешняя о заграничных впечатлениях, о жизни в Питере и т. д. Нет конгениальности.

8 ½ ч. вечера.

Впечатления сегодняшнего дня: 2 беседы: с Тренивым и с А. Ахматовой.

Первый рассказал, что его очень огорчает и смущает неуспех „Пугачевщины“ и успех пьесы „Любовь Яровая“, вещь, испорченная цензурой и самому автору неприятная. Рассказал он про свою писательскую карьеру. <...>

О разговоре с Анной Ахматовой говорить не буду. У нас с нею нет никакой конгениальности. Смотрим в разные стороны. <...>

25 p. s.

9 ч. утра. После завтрака сижу в саду за столом рядом с Анной Андреевной. Верховский ⁸ тут же делает из дерева чертиков. <...>».

⁶ Письма хранятся в Государственном музее А. С. Пушкина в составе библиотеки русской поэзии И. Н. Розанова, переданной туда К. А. Марцишевской. Далее цитируем их без указаний на это собрание. Приносим искреннюю благодарность за всяческое содействие хранителю фонда Е. А. Пономаревой.

⁷ Подробнее см.: Богомолов Н. А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова (1914–1924) // Русская литература. 2016. № 3. С. 200–223.

⁸ Здесь речь идет не о Юрии Никандровиче Верховском, с которым Розанов дружил до конца его жизни, а о его брате, известном химике Вадиме Никандровиче Верховском (1873–1947).

Любопытное психологическое свидетельство находим в письме днем ранее, 23 июня, с пометой 5½ утра: «Живу в ожидании твоих писем. А вот Анна Ахматова говорит, что не любит получать писем. Каждое полученное письмо обязывает, а каждая обязанность ее тяготит. Здесь уже особая психология. Надо разужать ее биографию, хотя бы так, как я уже знаю биографии супругов Гливенко».⁹ В письмах от 1 и 4 июня содержатся упоминания об Ахматовой, но вряд ли они существенны. В первом случае Розанов схематически изображает, как расположены столики, за которыми сидят питающиеся пациенты, и прибавляет: «Обрати внимание, где сидит Ахматова. Я вижу ее профиль, и он кажется мне птичьим. <...> Ряд, ближайший к саду, получает особенный „растительно-молочный стол“ (Ахматова, Сакулин и проч.)». Второе — просто фиксация: «Сегодня главные впечатления: беседа с А. Ахм<атовой>, очередной визит к доктору и встреча на вокзале с Ириной¹⁰».

Судя по всему, затем на какое-то время Ахматова осталась без компании, почему возобновляет разговоры с Розановым. 6 июля он рассказывает (помета: 2 ч<аса> дня): «Перед обедом часа 1½ просидел в лонг-шезах с А. Ахм<атовой>. Она возмущалась Максом, которого совсем почти не знает, по поводу его рассказов о Керубине и о дуэли.¹¹ По ее словам, дело было совсем не так. И Макс¹² играл тут не очень красивую роль. Потом она говорила про свое отношение к современ<енным> писателям. В руках у нее было „Дело Артамоновых“ Горького. По ее мнению, слишком сильно влияние Зола и потому как-то скучно и ненужно».

На следующий день сперва следует запись довольно нейтральная (хотя для тех, кого интересует эта сторона жизни Ахматовой, кажется, неожиданная: по остальным свидетельствам, у них с Тапом была взаимная симпатия): «А.А. любит собак. Я рассказал ей про Джэка. Она пожаловалась на „любовь без взаимности“. Собака ее „прежнего мужа Володи Шилейко“, — она так и сказала, — безумно любит его, а к ней равнодушна, к ее огорчению», — а затем вполне содержательная:

«9 ч. 50 м. в. Дома после концерта.

— Анна Андреевна, я Вас давно не видал...

— Вы, Иван Никанорович, меня совсем разлюбили...

Так начался сегодняшний разговор после ужина. Ходили по саду, сели на скамейку, говорили о Бунине (она очень бранила его последние вещи «Дело Елагина» и «Митину любовь», последняя кажется ей и фальшивой, и плохо сделанной даже композиционно), о Достоевском (не верит, что «Крокодил» сатира), о вражде писателей (если бы Толстой познакомился с Достоевским, они бы непременно поцарапались), о Пушкине и Вяземском».

Но с 12 июля их снова разводят обстоятельства и привычки Ахматовой. Розанов общает: «Сегодня приехал Качалов. <...> 2 ч. дня. Качалова посадили за столик с Анной Ахматовой, где раньше сидел уехавший теперь Ершов. <...> 21-го уезжают оба моих сожителя-инженера, 23 — супруги Гливенко, 23 вечером А. Ахматова».

Отношения с В. И. Качаловым у Ахматовой были непростыми. Они познакомились незадолго до ее отъезда в Кисловодск. 10 июня у А. Н. Толстого была вечеринка с участием артистов МХТ и приглашенных ленинградцев. Рассказывая об этом вечере

⁹ Гливенко Иван Иванович (1868–1931) — историк литературы. Возможно, не лишним будет упомянуть, что он интересовался психоанализом. Описание беседы с его женой Розанов включил в свои письма.

¹⁰ Личность установить не удалось.

¹¹ Розанов был у М. А. Волошина в Коктебеле в 1926 году, а в начале 1927 года, приехав в Москву, Волошин побывал у него в гостях (см.: Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1917–1932. СПб.; Симферополь, 2007 (по указателю)). Керубина — Черубина де Габриак. Ее история интересовала Розанова издавна. См., например: Богомолов Н. А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова. С. 204. Ахматова же по возвращении говорила Лукницкому: «В К<исловодске> И. Н. Розанов рассказал, как Волошин рассказывает о дуэли. АА страшно негодовала и сказала истину» (Лукницкий, 282).

¹² Сделано примечание Розанова: «А особенно какой-то Гюнтер». Имеется в виду немецкий поэт и переводчик Иоганнес фон Гюнтер (1886–1973), действительно сыгравший неблагоприятную роль в разоблачении мистификации с Черубиной де Габриак.

(точнее, ночи: гости были приглашены к полуночи), Ахматова несколько раз фиксировала задевавшие ее особенности поведения Качалова (см.: Лукницкий, 269–272), хотя он явно старался произвести на нее впечатление. Еще более решительно она говорила Розанову на следующий день после первой кисловодской встречи (и это последнее упоминание о ней в письмах): «А. А. в ужасе от Качалова: 1) приехал пьяным и до сих пор не может вполне прийти в себя и 2) у него крашенные волосы (и безобразно крашенные). 3) *Sic transit...*» Этот пассаж выразительно подкрашивает подробный рассказ Р. Д. Тименчика об отношениях артиста и поэтессы.¹³ Но все же новая компания, кажется, ее больше устраивала, тем более что она умиралась присутствием К. С. Станиславского, оставившего описание самого санатория и его обитателей в письме.¹⁴ Его упоминаниями практически завершаются рассказы Ахматовой о Кисловодске: «Шамурин, Качалов, Станиславский... Доктор красивый и глупый,¹⁵ Ершов, Бриан. Станиславский предлагал написать пьесу. А когда отказалась — предложил перевести пьесу. Тоже отказалась. Комический случай: Станиславский предложил АА дать ей рекомендательное письмо к Головину» (Лукницкий, 281).

Однако только письмами И. Н. Розанов не ограничился. Он был большим поклонником домашнего стихотворчества и до последних дней жизни писал стихи по самым разным поводам. Здесь поводом послужило месячное пребывание рядом с поэтессой, которую он давно и высоко ценил. 29 августа помечено его довольно длинное описательное стихотворение в одном из блокнотов, ныне хранящихся в Государственном музее А. С. Пушкина. Автограф явно черновой, карандашный, но правка незначительна, и если где-то сохранился беловой вариант, вряд ли он особенно отличается от публикуемого нами текста.

В нем есть несколько разноплановых пластов, которые стоит отметить в преамбуле.

Первые две строфы — ожидания автора от еще одного свидания с Ахматовой. После них четыре строфы об истории русской женской поэзии поставлены нами в соответствии с знаками перестановки. Затем идет повествование, довольно подробно описавшееся в дневниковой прозе,¹⁶ о долгом ожидании встречи с живой Ахматовой и наконец-то случившемся свидании в двух частях.

Явно ироничны строфы с рефреном: «Шамурин, Орбели, Маршак» и т. п. Прежде всего, потому что Маршак не мог быть с ними вместе — он рано уехал. Во-вторых, из-за нацеленности собеседников на развлечение, а не на серьезные беседы. И уж совсем закрывает тему вариант строки: «Задумчивые, как ишак». Вряд ли можно сомневаться, что автор стихотворения печалился из-за своего отлучения от бесед и что он завидовал тем, кто привлекал внимание Ахматовой.

29 авг.

АННА АХМАТОВА

Ахматова Анна Андреевна
К нам скоро приедет сама.
Ни в лирике новой, ни в древней
Такой поэтессы нема».¹⁷

¹³ *Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2013. Вып. 11. С. 146–151.*

¹⁴ *Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1961. Т. 8. С. 158–160.*

¹⁵ Вероятно, «доктор Каган», упомянутый в стихотворном послании Качалова к Ахматовой, написанном после ее отъезда (*Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. С. 148*).

¹⁶ См.: *Богомолов Н. А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова. С. 200–223.*

¹⁷ Открывающей кавычки нет. Вероятнее всего, она должна была выделить лишь одно последнее слово.

Вот первое, что я усвоил,
Когда в Кисловодск прискакал,
И слух этот цену утроил
Всех этих нарзанов и скал.

Была Турчанинова Анна
И Бунина Анна была.¹⁸
Как женщины, непостоянна
Их слава-кокетка ушла.

Впоследствии лирой своею
Прославилась Ростопчина.¹⁹
Но строгая критика ею
Не надолго увлечена.

Претензий на первое место
Немало имела она —
Мицкевича раньше невеста
И Павлова после жена.²⁰

Хоть Брюсов весьма осторожно
Когда-то ее воскресить
Пытался,²¹ но разве возможно
С Ахматовской славой сравнить?

Скупы ее строки, но четки,
В них женская гордость и грусть.
Особенно славились «Четки»,
Я многое знал наизусть.

Над ней Виноградов трудился,
Но был тот анализ бескрыл.²²
Георгий Иванович гордился,
Что он ее первый открыл.²³

Но в Царском Селе на вокзале
Пробился негадан-неждан,

¹⁸ Анна Александровна Турчанинова (1774–1848) и Анна Петровна Бунина (1774–1829) — русские поэтессы.

¹⁹ Евдокия Петровна Ростопчина (урожд. Сушкова, 1811–1858), поэтесса.

²⁰ Речь идет о поэтессе Каролине Карловне Павловой (урожд. Яниш; 1807–1893). Действительно, она была невестой А. Мицкевича, но стала женой прозаика Николая Филипповича Павлова (1803–1864).

²¹ Имеется в виду двухтомное Полное собрание сочинений К. Павловой под редакцией В. Я. Брюсова (М., 1916).

²² Речь идет о работах Виктора Владимировича Виноградова (1895–1969) «О поэзии Анны Ахматовой: Стилистические наброски» (Л., 1925) и «О символике Анны Ахматовой: Отрывки из работы о символике поэтической речи» (Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922. Кн. 1). В 1923 году Розанов записал: «Провожали с Н. К. <Гудзием> Анну Ахматову до дому: Говорила о 1) критиках формальн<ого> метода — отрицательно, особ<енно> о работе Виноградова — „это совсем не нужно“ — „я еще не история“ и т. п.» (Богомолов Н. А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова. С. 221).

²³ О своих отношениях (многое скрывая) Г. И. Чулков (1879–1939) рассказывал Розанову в 1919 году (Там же. С. 211–213). Подробнее об этом см.: Тименчик Р. 1) «Записные книжки» Анны Ахматовой: Из именного указателя. I // Эткиндовские чтения. СПб., 2006. [Вып.] II–III. С. 265–266; 2) Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2012. Вып. 10. С. 146–165. Вторая статья значительно подробнее, однако использует не все сведения из первой.

Пока по платформе шагали,
Поэзии новый нарзан.

Кузьмин <так!>, расставляющий «Сети»,
Ее с предисловьем издал,²⁴
И был уже год двадцать третий,
Когда я ее увидал.

Тот год был и годом «Плеяды».²⁵
И с этой «Плеядой» моей,
И с Гудзием, мужем отрады²⁶
Мы весело двинулись к ней.

Квартирки японская сказка,
Экзотика и красота —
Меня поразила окраска,
И синий, и желтый цвета.

Был мудр ее взгляд, как Вергилий,
И профиль был сух, как вопрос.
Не помню, о чем говорили,
Запомнились челка и нос.

Мне памятна встреча другая:
Над городом ночи ковер.
По улицам сонным шагая,
О Блоке вели разговор.²⁷

С Васильевского до Фонтанки
Срывались с ахматовских губ
Рассказы о бабке-гречанке,
О том, что ей Киев не люб.

Бывало, иные рассказы,
Как дым, вылетают в трубу,
Но это припомнил я разом,
Как только попал в ЦЕКУБУ.

Явилась. Но был озабочен
Ее изменившийся лик.²⁸
Кавказом пленялась не очень,
На почту скорей норовит.

Но кто здесь подолгу нахмурен?
Здесь чаще веселая речь.

²⁴ Имеется в виду предисловие М. Кузьмина (Розанов упорно пишет его фамилию с мягким знаком), автора сборника стихов «Сети» (М., 1908), к первой книге Ахматовой «Вечер» (СПб., 1912).

²⁵ Речь идет о книге Розанова «Пушкинская плеяда. Старшее поколение» (М., 1923). Текст надписи на ней: «Любимому поэту Анне Андреевне Ахматовой. 16.8.23» (*Тименчик Р. Д.* Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 11. С. 153). Отметим, что 16 августа Розанов с Ахматовой никак не мог видаться, следует читать: 16.7.

²⁶ Николай Каллиникович Гудзий (1887–1965), литературовед. В 1923 году был вместе с Розановым в Петрограде и в санатории под ним.

²⁷ Речь идет о разговоре 18 августа 1923 года, когда Розанов и Гудзий провожали Ахматову. См.: *Богомолов Н. А.* Ахматова в дневнике И. Н. Розанова. С. 221.

²⁸ Вариант строки: «Ее средоточенный лик».

Орбелли <так!>, Маршак и Шамурин²⁹
Ее постарались развлечь.

Вниманием ее овладели,
Нередко тут слышался смех.³⁰
Шамурин, Маршак и Орбелли
Явились счастливее всех.

И выбор ее был недурен,
Но был ли меж ними раздор?³¹
Орбелли, Маршак и Шамурин
Умели вести разговор.

Печатать ее перестали.
Они ж стерегли каждый шаг
И вместе стихи с ней читали
Шамурин, Орбелли, Маршак.

Была она всем им соседка —
Во флигеле я обитал,
И в «Дом» приходя, очень редко
Ее я одну заставлял.

Я ей сообщил, что Волошин
Рассказывал нам про дуэль,³²
И после был сам огорошен,
Попав неожиданно в цель.

«О, как Вы меня взволновали,
Я знаю, что он не со зла,
Спасибо, что Вы рассказали,
Но я, я всю ночь не спала».

Не знаю о «звуке пощечин»³³
И был или не был прицел.
Но был Г<умилев> окорочен,
Ведь он уже был офицер.³⁴

Конечно, они не для вида
Разрезали узел тугой,
Но там, где иному обида,
Беспечно смеялся другой».³⁵

Приветливая и простая
Встречалась со мной каждый раз,

²⁹ Рубен Абгарович Орбели (1880–1943) — брат знаменитых Л. А. и И. А. Орбели, юрист, ученик Б. В. Никольского (был женат на его сестре), в конце 1920-х годов работал в Библиотеке Академии наук. В 1930-е стал одним из основателей подводной археологии. Евгений Иванович Шамурин (1889–1962), литературовед и книговед. Один из составителей знаменитой антологии «Русская поэзия XX века» (М., 1925).

³⁰ Первоначально: «Другие, быть может, робели, / Не смели вниманья привлечь».

³¹ Незачеркнутый вариант: «Какой же тут может быть спор».

³² Речь идет о дуэли М. А. Волошина и Н. С. Гумилева 22 ноября 1909 года, вызванной раскрытием истории Черубины де Габриак.

³³ Имеется в виду реплика И. Ф. Анненского после того, как Волошин ударил Гумилева: «Достоевский прав: звук пощечины, действительно, мокрый» (Волошин М. Собр. соч. / Под общ. ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой. М., 2008. Т. 7. Кн. 2. С. 450).

³⁴ Гумилев офицером не был, высший его чин — прапорщик.

³⁵ Вписано на полях и не зачеркнуто: «Задорно смеялся другой».

Но вскоре, как белая стая,³⁶
В дорогу она поднялась.

Знать, письма ее одолели,
Согнали с Кавказской земли,
Шамурин, Маршак и Орбели
Ее удержать не могли.

Она отлетела до срока,
И, взвешивая каждый шаг,³⁷
Бродили потом одиноко
Шамурин, Орбели, Маршак.

Далее в дневнике Лукницкого под рубрикой «Август–сентябрь 1927» записано: «Раз или два в Шереметевском доме был Маршак. Пунин и тут — ревнует. <...> Орбели (он и она) были один раз у АА с визитом» (Лукницкий, 289). А между тем разговоры с Орбели были для нее очень важны. «...Жизнь АА за последние годы складывалась так, что все окружающие ее люди были так загружены своими жизненными тяготами, так обременены, что стоило их толкнуть, и они могли бы пойти ко дну. Они наваливались этой тяжестью на АА, и она выносила их тяжести на себе. <...> И потому ей не хотелось ничего, не хотелось ни лечиться, ни выздоравливать, ни уехать, ничего не хотелось. <...> И вдруг в Кисловодске встретился Орбели. Она почувствовала, что она может свалить на него свою собственную тяжесть, потому что он сильный. И она это сделала, и стала легкой, веселой, не обремененной никаким грузом и здоровой. <...> Первый раз за много лет АА встретился человек, который принял ее груз на себя, принял, не заметив этого сам и не зная этого...»³⁸ И на этом, кажется, кисловодский сюжет в жизни Ахматовой заканчивается.

³⁶ Подразумевается название третьего сборника стихов Ахматовой «Белая стая» (1917).

³⁷ Как варианты, вписано: «Задумчивые, как ишак» и «И медленно меряя шаг».

³⁸ Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 169.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-152-158

© Л. В. Х а ч а т у р я н

ВЕРТИКАЛЬНОЕ ЗАЧЕРКИВАНИЕ. К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО «ИМПЕРАТОР»*

Стихотворение «Император», посвященное расстрелу Николая II и его семьи, по праву считают одним из самых спорных в поэтическом наследии В. В. Маяковского. Столь же неоднозначно сложилась публикационная судьба этого текста. С момента его создания прошло более девяноста лет, но до сих пор не установлена окончательная редакция.

Стихотворение отчетливо делится на три части. Узловым событием первой из них является торжественный визит императора Николая II в Москву, свидетелем которого был Маяковский: «Помню — / то ли пасха, / то ли — / рождество».

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ, проект 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“, НИУ ВШЭ.